

12+

ВИКТОРИЙ МАКАРОВ

ИНСТРУКЦИЯ **ПО**
РАЗЛОЖЕНИЮ
ПАРЫ

Виталий Макаров

Инструкция по разложению пары

«Издательские решения»

Макаров В. В.

Инструкция по разложению пары / В. В. Макаров —
«Издательские решения»,

Это третья книга цикла «Пространство на вырост». Когда трещина в отношениях становится пропастью, бегство кажется единственным выходом. Но куда бежать от самих себя? Отчаявшаяся пара покупает билеты на загадочный тур «Бездорожье к себе». Семь дней в горах под руководством странных инструкторов. Их ждут тропы-испытания и практики, способные переписать внутренние сценарии, записанные годами. «Инструкция по разложению пары» — это откровенное путешествие к истокам любви, вины и недоверия.

Содержание

Глава 1. Бегство вперед	6
Глава 2. Сбор незнакомцев	8
Глава 3. Инструкторы по реальности	10
Глава 4. Ужин откровений	11
Глава 5. Спор о камнях и ответственности	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Инструкция по разложению пары

Виталий Владимирович Макаров

© Виталий Владимирович Макаров, 2026

ISBN 978-5-0069-9877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Бегство вперед

Такси плавно отпустило нас у подъезда вокзала — словно водитель почувствовал, что дальше везти уже некуда. Дверь захлопнулась, и мы остались на тротуаре в клубах выхлопных газов, которые медленно таяли в воздухе.

Мы стояли, будто два чемодана, забытых предыдущими пассажирами. Между нами лежала пустота, через которую слова проходили с трудом, искажаясь, как звук сквозь толщу воды. Отель «Эхо спокойствия» стал воплощением табу. Мы не произносили его вслух.

Я смотрел на Олю и видел не ее — а соучастницу. Молчаливую сообщницу системы, которая предпочла удобное заблуждение неудобной правде. Она же смотрела на меня и видела сбегавшего паникера — человека, который испугался собственного отражения в зеркале чужой терапии и вырвался, оставив за собой хлопнувшую дверь и сломанный ритм. Мы были как два призрака, вернувшихся на место своей смерти, — узнавали очертания, но не чувствовали тепла.

Ехать домой — означало запечатать эту трещину в четырех стенах, дать ей прорасти тихим грибком молчания, обид, невысказанных упреков. Превратить трещину в пропасть. И потому, мы сделали то, что умели лучше всего — решили заткнуть дыру в реальности новыми впечатлениями. Классическое избегание. Бегство вперед в надежде, что скорость заглушит пустоту внутри.

Здание вокзала встретило нас гулким эхом шагов под высокими сводами. Здесь пахло пылью, металлом и сладковатым ароматом свежей выпечки из соседнего буфета. Мы бродили по залу, будто впервые видя его — замечали потрескавшуюся лепнину на колоннах, отслоившуюся краску на скамейках, мерцающие лампы дневного света, мигающие как уставшие глаза. Все здесь было немного обшарпанным, не пытающимся казаться идеальным.

И тогда мы увидели его — небольшой островок света в полутьме дальнего угла. Киоск с турами. Яркая вывеска с нарисованными пальмами, горами и улыбающимся солнцем казалась насмешкой над нашим состоянием. Но мы зашли внутрь — не потому, что верили в рекламу, а потому, что нужно было куда-то деть эти оставшиеся дни отпуска, эту неловкость, это молчание.

Внутри пахло бумагой, дешевым кофе и надеждой. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти, с усталыми, но внимательными глазами. На стенах — плакаты с залитыми солнцем пляжами, заснеженными вершинами, зелеными лесами. Мир, упакованный в глянцевые прямоугольники. Иллюзия выбора.

— У нас как раз есть эксклюзив, — сказала консультант. — Не стандартный релакс у бассейна, и не экстремальное восхождение. Что-то... посередине. Для тех, кто хочет не просто отдохнуть, а остаться наедине. С собой. Или не только.

Она разложила перед нами несколько буклетов. Один сразу притянул взгляд. Неброский, темно-зеленый фон, контур гор, зеркальная гладь озера и несколько небольших домиков под темной крышей. «Бездорожье к себе. Авторский тур. Семь дней».

— Это в горах, — пояснила женщина. — Дорога туда... сложная. Только на большом внедорожнике.

— Нам и нужна сложная, — четко сказала Оля. — Прямая дорога нас уже не вывезет.

— Там нет роскоши, но есть все необходимое, — пояснила консультант. — Домики для гостей, общая кухня-столовая, баня с чаном, маршрут в гору. Ведут программу опытные инструкторы — семейная пара. Лена и Тимофей.

Оля взяла листовку в руки. Ее пальцы скользнули по матовой бумаге, будто ощупывая не изображение, а саму возможность. Она не смотрела на меня. Я не смотрел на нее. Мы смотрели

на этот зеленый прямоугольник, как на карту неизвестной территории — территории, куда можно сбежать от самих себя или, наоборот, встретиться лицом к лицу.

— Группа стартует сегодня, — добавила консультант. — Сбор в 18:00 здесь, возле буфета. Если решите — успеете.

Это не было попыткой спасти отношения. Отношения уже лежали где-то между стойкой ресепшена «Эха» и этим вокзальным киоском — тихо, бездыханно. Это был последний совместный ритуал. Отчаянная попытка пройти через новое испытание — как будто если прыгнуть в еще более холодную воду, можно либо окончательно замерзнуть, либо... снова почувствовать жар в крови. Мы сами не знали, на что надеялись. На чудо? На катастрофу? На паузу, где не нужно говорить?

— Берем, — сказал я.

Оля просто кивнула, не отрывая взгляда от озера на бумаге.

Мы оплатили тур. Получили на руки билеты с координатами и временем. Выходя из киоска, я почувствовал, как в кармане зазвонил телефон, — первый звонок за несколько дней. Мир, от которого мы отключились, напоминал о себе. Я не стал отвечать.

Глава 2. Сбор незнакомцев

Мы вышли на улицу. Через три часа нас ждала новая дорога. Дорога в горы. К озеру. К двум инструкторам с именами Лена и Тимофей. К последнему испытанию, которое мы выбрали сами, — не для того, чтобы выжить вместе, а чтобы понять, есть ли в нас еще что-то, что может выжить вообще.

Трещина путешествовала с нами. Теперь ее везли в горы.

Время ожидания пролетело незаметно. Мы с Олей зашли в несколько магазинчиков у вокзала. Покупки были практичными: трекинговые ботинки, носки из мериноса, фонарик. Каждый предмет мы выбирали молча, как будто собирали не снаряжение, а артефакты для негласного обряда побега от самих себя.

И вот начали появляться они — наши попутчики на ближайшие семь дней, будущие соучастники этой аскезы. Первыми, возле запыленного витринного буфета с дежурными круасанами, возникли две женские фигуры. Они стояли, придавив ногами дорожные сумки.

— Вы тоже в тур «Бездорожье к себе»? — спросил я.

Обе повернулись синхронно. Их глаза встретили меня легким любопытством.

— Да, — ответили они почти хором.

Первая представилась Ириной. Женщина на вид лет пятидесяти. Она была той редкой породы людей, которых возраст не старит. Платиновые волосы прикрывали высокий лоб и серьги из серебра. Кожа — не натянутая искусственно, а ухоженная, с легкой сеткой морщинок у глаз, которые появлялись, когда она улыбалась — открыто, чуть вызывающе. В ее осанке, во взгляде, в манере поправлять рукав куртки читалась отточенная уверенность.

— Тренер по менопаузе, — сказала она о себе. — Помогаю женщинам не переживать, а проживать. Со всей страстью, которая у них осталась. Позже мы узнали, что Ирина в разводе. Есть взрослая дочь. В ее энергетике чувствовался легкий, контролируемый вызов миру — и явное привыкание к мужскому вниманию, которое она, кажется, уже не замечала, но все еще принимала как должное.

Ее подруга представилась скромнее — просто Ира. Брюнетка, лет на пять моложе, но в ее глазах была та усталая глубина, которую годы оставляют не от прожитого, а от отданного. Волосы с проседью, убранные в мягкий хвост, минимум макияжа, практичная одежда. Ее голос был тихим, успокаивающим, но в нем слышалось едва уловимое напряжение натянутой струны.

— Я... мама, — сказала она, словно проверяя, как звучит это слово вне привычного контекста. — Трое. И дом. Я... навожу уют. — Она сделала паузу, ее взгляд на секунду уплыл куда-то в сторону, в прошлое.

— Но последние месяцы... я будто сама стала частью этого интерьера. Мебелью. Мне нужно... выйти из комнаты. Бюджет семьи, — добавила она с легким, извиняющимся жестом, — позволяет мне взять этот «отпуск от самой себя».

Их дружба чувствовалась как прочный союз, где одна дает смелость, а другая — тихую гавань.

Буквально через пару минут к группе присоединился еще один человек. Мужчина лет тридцати пяти, собранный, в практичной одежде серых оттенков. Его взгляд — неестественно голубые глаза — был спокоен и отстранен.

Он представился кратко: Максим. Пожатие руки — точное, без лишнего давления. Голос — ровный, лишенный резких интонаций. Разработчик, архитектор систем. Позже Максим расскажет нам, что увлекается альпинизмом, изучает мертвые языки. Он переживал развод и приехал с конкретной задачей: найти новые опорные точки, пересобрать себя через среду и усилие, декодируя молчание природы. Это был системный апгрейд души, предпринятый с холодной отвагой.

Обернувшись, я уловил движение — не шаг, а скорее легкую вибрацию в воздухе. Это была девушка лет двадцати семи, и ее походка была не целенаправленным перемещением, а чем-то вроде спонтанного перформанса — легкие подпрыгивания на носках, мелкие шажки в сторону, будто она шла по невидимой тропинке собственного ритма.

Она была одета в просторное платье-мешок, доходившее до щиколоток и напоминавшее то ли монашескую рясу, то ли чехол от диванной подушки. На голове — ярко-оранжевый тюрбан, намотанный с небрежной, но интуитивно точной элегантностью, откуда выбивались упрямые кудри медного, почти огненного оттенка. На шее у нее висели бусы из ярких, грубо обработанных камней, и такой же массивный браслет глухо позванивал на ее запястье в такт шагам. Ее лицо было усыпано россыпью веснушек — не просто на носу и щеках, а повсюду. Они не казались случайными — они были частью узора, живой картой какого-то другого, солнечного мира, который она носила с собой.

— Привет-привет! Это вы... те самые? «Бездорожье к себе»? — ее голос прозвучал звонко.

Получив кивок, она озарилась вспышкой внутреннего света. Представилась: Алиса. Она не смотрела в глаза подолгу — ее внимание скакало, как солнечный зайчик: на сумку Ирины, на часы Максима, на трекинговые ботинки Оли, на пыльную лампу над входом. Казалось, она воспринимала мир не как последовательность событий, а как поток образов, запахов и вибраций.

Она производила впечатление человека не от мира сего — но не беспомощным, а как будто живущим по другим законам. В ее легкости чувствовалась своя уязвимость — словно такая открытость требовала постоянного бегства от любых рамок.

Алиса достала из рюкзака помятый бумажный пакетик с сухофруктами и, жуя курагу, уставилась куда-то в небо над вокзалом, тихо напевая себе под нос. Она была здесь, с нами, и в то же время — уже там, у того озера, к которому мы только собирались ехать, будто для нее время и пространство были не столько препятствиями, сколько условностями, которые можно мягко обойти.

На электронном табло вокзала время отсчитывало 17:50. Инструкторов все не было. Лишь люди, большие дорожные сумки, размытый фон, на котором мы постепенно застывали в своей отдельности.

И тогда из этого потока пассажиров к нам выплыла еще одна фигура. Мужчина лет пятидесяти пяти, худой, седовласый. Движения — неуверенные, прерывистые. Когда он приблизился, стало видно его лицо: светло-серые глаза с затаенным испугом.

— Здравствуйте... — его голос прозвучал тише шуршания листьев. На его запястье мелькнула тонкая белая линия — идеально ровный, хирургический шрам, контрастирующий с общей неопрятностью.

— Сева, — выдохнул он и тут же рассыпал внимание, стараясь не встречаться с нашими глазами. Он не протянул руку — он, кажется, забыл, что так положено, или счел эту процедуру непозволительно интимной. Его робость была глубоким защитным механизмом. Он сделал шаг в сторону, будто стараясь стать еще менее заметным. В нем чувствовалась усталость от долгого, изнурительного путешествия внутри самого себя. И теперь эта поездка в горы была для него не приключением, а, возможно, последней, отчаянной попыткой выйти наружу — или, наоборот, окончательно потеряться так, чтобы уже никто, включая его самого, не смог найти.

Глава 3. Инструкторы по реальности

С точностью швейцарского механизма, ровно в назначенный час, к нашей группе подошли двое.

Первой шаг сделала она.

— Всем привет. Я Лена. А это Тимофей, — ее голос прозвучал без лишней теплоты. Взгляд, тяжелый и оценивающий, как у следователя, методично скользнул по каждому из нас, будто считывая код готовности или страха.

Лена была воплощением собранной, функциональной силы. Ее фигура, плотная и жилистая, говорила о настоящей работе с телом — подъемах с грузом, долгих переходах, выносливости. Лицо с грубоватыми скулами — без макияжа, загорелое, с морщинками от солнца у глаз. Каштановые волосы были туго стянуты банданой, но одна прядь выбивалась на висок.

На ней были поношенные, испачканные глиной походные штаны из плотного рипстопа и свободная футболка болотного цвета, под которой угадывались контуры спортивного топа. На плечи накинута потертый худи с капюшоном. Казалось, что вся ее одежда не куплена вчера для образа, а выстрадана в походах. Каждая потертость и пятно имели свою историю. На широком ремне с карабинами висела фляга в чехле. Она стояла слегка расставив ноги, вес тела равномерно распределен, руки свободно опущены — поза человека, который привык к устойчивости на любой поверхности.

Рядом с ее сдержанной брутальностью Тимофей казался воплощением добродушной мощи. Он был крупным, бородатым мужчиной с открытым лицом и теплыми глазами.

— Друзья, мы рады всех вас видеть, — сказал он, и на его губах расплылась широкая, обезоруживающая улыбка, создавая мгновенный контраст с деловой собранностью Лены.

Далее дуэт инструкторов провел быстрый, отточенный брифинг: четко и без воды обозначили план переезда к месту старта, общие правила тура и анонсировали первое вечернее собрание у костра уже сегодня, на территории лагеря. Лена говорила ясно, рублеными фразами, делая акцент на безопасности и дисциплине. А Тимофей дополнял ее.

У выхода с вокзала нас ждали два пыльных внедорожника.

За руль первой машины сел Тимофей. Он улыбался широко и открыто, как старый знакомый. А во вторую машину села Лена, положив руки на руль в положении «без пятнадцати три». Ее спокойная сосредоточенность была прямой противоположностью его легкой браваде.

Мы распределились по машинам, и колонна тронулась, оставляя позади шлейф пыли и последние признаки привычного мира.

Дорога стала испытанием уже на подъезде. Два часа тряски, глухих ударов под днищем, резких кренов на поворотах — тело помнило каждую кочку и яму, будто земля намеренно проверяла нас на прочность. И когда казалось, что этот путь бесконечен, внедорожники выкатились на ровную площадку и замерли.

Перед нами открылась картина, ради которой стоило терпеть. Как будто горы раздвинулись, открывая спрятанный от мира сад. Идеально ровная поляна, как альпийский луг, стелилась у наших ног. По бокам ее обнимал темный лес, плотной стеной уходивший вверх по склонам. А в конце этой изумрудной глади, в обрамлении каменных пиков, мерцало озеро — далекое, холодное, завораживающее блеском своей поверхности под косыми лучами заката. Оно казалось не просто водой, а живым, дышащим существом, хранящим тишину.

Глава 4. Ужин откровений

Мы вышли из машин. Здесь, на краю поляны, располагался лагерь: пять небольших однокомнатных домиков с панорамными окнами, похожих на аккуратные скворечники для людей, и отдельное бревенчатое здание — кухня-столовая. Все удобства, как мы быстро заметили, были вынесены наружу — душ, туалет, умывальники стояли в отдельной постройке в глубине деревьев. Комфорт был намеренно ограничен, сведен к необходимому минимуму.

Но все это не вызывало раздражения. Сама природа здесь была настолько величественной, настолько подавляющей своей чистотой и масштабом, что мелкие бытовые неудобства теряли вес. Они становились платой за вход в это место. Легкий ветерок нес запах хвои и влажной земли, и с каждым вдохом что-то внутри расслаблялось и отпускало хватку. Казалось, пространство само диктовало новые правила: здесь важно только небо, горы, вода и тишина. Все остальное — суета.

Мы быстро распределили между собой домики, скинули сумки, стряхнув с себя дорожную пыль и неловкость, через полчаса собрались в деревянном здании столовой.

Внутри пахло тем самым, неповторимым запахом готовящейся на огне еды. Тимофей, стоя у походной печи, активно что-то помешивал на сковороде, а параллельно, ловкими движениями, сервировал длинный общий стол: нарезанные ломтиками свежие овощи, ржаной хлеб, вареные вкрутую яйца. За окном, в сгущающихся сумерках, виднелась фигура Лены — она что-то организовывала возле костровой чаши, раскладывая поленья.

За ужином началось настоящее знакомство.

Лена с Тимофеем сразу обозначили суть: это не курорт. Это практика. Глубокое погружение в самих себя, чтобы докопаться до сути — как и почему мы действуем и чувствуем именно так.

— Здесь вы сможете разглядеть, — начала Лена, — какие ваши стратегии по жизни рабочие, а какие... просто старый хлам, который таскаете на себе, как доспехи, давно проржавевшие насквозь.

Ее слова повисли в тишине, отзываясь в каждом по-своему.

Алиса, прежде чем начать есть, достала из сумки небольшую силиконовую магнитную подставку и аккуратно поставила на нее свою тарелку, мягко покрутив ее, будто настраивая на частоту.

— Итак, — взгляд Лены стал более сосредоточенным, — мы будем много двигаться, работать с холодом и дыханием. Чтобы это было безопасно, мне нужно знать ваши слабые места. Не для галочки — чтобы не навредить. Скажите честно: сердце пошаливает? Спина когда-нибудь всерьез подводила?

Мы молча переглянулись. Максим первым отрицательно покачал головой.

— У меня астма в детстве была, но давно не проявлялась, — тихо сказала Ира. Лена кивнула, запоминая.

— Спасибо. Учтем. Все остальные?.. Хорошо. И еще: если в любой момент вы почувствуете физический или эмоциональный дискомфорт, выходящий за рамки обычной усталости или волнения, — ваша прямая обязанность немедленно сообщить нам. Это правила нашего тура, которые мы не нарушаем. Договорились?

Далее Лена рассказала коротко о себе:

— Я психолог и... банщица. Та, кто помогает и очищать, и возрождаться, через пар, через тело, через внимание, — пояснила она и улыбнулась, и в этой улыбке было обещание поддержки. Она была рада быть нашим проводником на эту неделю.

Потом слово взял Тимофей. Он оказался регрессологом, исследующим глубины памяти, и страстным путешественником, объездившим около 150 стран.

— Мое путешествие — всегда и вовне, и внутрь, — сказал он. И тоже был искренне рад сопровождать нас в этом путешествии к самим себе.

Все слушали как завороченные. На мгновение мы забыли про простую, но такую вкусную еду на тарелках. Мы сидели, поглощенные не столько информацией, сколько самой атмосферой: сочетанием невероятной искренности этих двоих и осознанием, что мы все — каждый со своими вопросами или усталостью — теперь здесь, и это начало.

И вдруг неожиданно слово перехватила Ирина.

— Всем привет, я Ирина, и я алкоголик, — произнесла она с легкой демонстративностью, и ее губы растянулись в широкой, чуть вымученной улыбке.

Люди за столом в ответ лишь робко улыбнулись, смущенно опуская глаза в тарелки.

— Шучу, — продолжила Ирина, махнув рукой, будто отгоняя неловкость. В ее жесте читалась не только насмешка над форматом знакомства, но и ее собственный способ спрятать смущение от выступления перед малознакомой публикой. — Некоторым из вас я уже успела рассказать, что работаю тренером по менопаузе. Люблю свою работу, — добавила она уже более собранно, возвращая себе привычную уверенность.

— Ты врач? — не удержался и переспросил Максим.

— Нет, я не врач, — ответила она, и ее тон смягчился, перейдя в профессиональное, почти просветительское русло. — Я помогаю женщинам не бояться менопаузы, а проживать ее с достоинством. Объясняю, что происходит с телом и гормонами на каждом этапе, развенчиваю мифы, работаю с принятием нового этапа жизни, изменениями в самоощущении. И даю рекомендации по уходу за кожей, волосами, которые меняются из-за снижения эстрогена.

Закончив, она целенаправленно посмотрела на свою подругу Иру, как будто негласно передавая ей слово.

— Да, всем еще раз добрый вечер, — тихо прозвучал голос Иры. — Я... помогаю людям разбирать хлам. И не только в домах. Учю выбрасывать старые вещи и... старые мысли. Есть такой метод — КонМари. Суть простая: держи рядом только то, что отзывается теплом внутри. А остальное... благодари и отпускай. У меня вот отозвалось.

Сказав это, Ира перевела взгляд на Максима, сидевшего напротив.

Максим сидел прямо, его пальцы медленно водили по краю кружки.

— У меня сейчас непростой период. Развод. — Он сделал небольшую паузу. — Особо и нечего добавить к этому. Проживаю символическую смерть отношений, — выдохнул он, и в его ровном голосе появилась выверенная тоска — как констатация системной ошибки, которую не удалось исправить.

В этот момент у меня в груди что-то кольнуло. Это было не просто сочувствие. Я как будто ощущал, что мы с Олей уже стоим на том же берегу, только в самом начале пути, еще не видя всей ширины реки, которую нам предстоит перейти. Наше молчаливое отдаление вдруг обрело пугающее название.

И будто в ответ на эту тяжесть, пространство за столом слегка всколыхнулось. Алиса, до этого покачивавшая головой в такт своей внутренней музыке, вдруг расправила плечи. Камни на ее браслете глухо звякнули.

— А я вдыхаю этот мир полной грудью! — заявила она с демонстративной театральностью, широко раскинув руки, будто обнимая воздух. — Какой бы он ни был в своих проявлениях. — Ее взгляд, теплый и расфокусированный, скользнул по каждому из нас.

— И даже когда в нем замечаю всякие говняшки, я все равно вдыхаю этот мир глубоко, а выдыхаю... трансформированной реальностью, — произнесла она, улыбаясь. — Да в целом в нашем мире существуют и клумбы с цветами, и помойки. И лишь мы выбираем, куда поворачивать голову, — добавила она тут же, как будто это было очевидным следствием.

Максим поднял на нее взгляд. Его лицо не выразило ни раздражения, ни согласия — лишь чистый, холодный анализ.

— Но только не всегда поворот головы помогает поменять реальность, — произнес он сдержанно и твердо. — Помойки от этого не исчезают. Они продолжают существовать. Их наличие — объективный факт.

В его словах не было вызова. Он не спорил с выбором — он просто указывал на то, что выбор не отменяет существования того, от чего отвернулись.

Когда очередь дошла до нас с Олей, я почувствовал, как сжимается горло.

— У нас не задалась первая часть отпуска, — выпалил я, торопясь. — И вот мы здесь, чтобы все исправить. — Я посмотрел на Олю, ища поддержки, но не нашел.

Она сидела, уставившись в стол. Сцепленные пальцы выдавали лишь сильное напряжение.

Лена перевела на нее взгляд.

— Оля, а ты как? Ты очень тихая. Устала с дороги?

Оля медленно подняла глаза.

— Нет. Просто с каждой минутой я все больше понимаю про себя. И свою роль в наших отношениях. Я годами строила тихую комнату, где нам было бы безопасно. А теперь вижу, что выстроила не комнату, а звуконепроницаемую камеру. Для нас обоих. Это нелегко принять. Позвольте, я не буду сейчас об этом говорить.

— Конечно, — сразу, без давления, отозвалась Лена.

В этот момент все за столом невольно посмотрели на Олю, а затем быстро переглянулись между собой. В воздухе повисло немое понимание: ее молчание было громче любых слов.

— Сева, ты у нас завершающий, — с теплотой в голосе обратился к нему Тимофей, как будто специально смягчая пространство вокруг.

При этих словах Сева резко заерзал на стуле. Его худое тело напряглось, плечи непроизвольно поднялись к ушам. На его лице вспыхнула странная, растерянная улыбка — уголки губ дрогнули вверх, но глаза, широко раскрытые, выражали чистейшее смущение. Он выглядел так, будто его только что вытолкнули на сцену без текста.

— Я здесь, — начал он, и слова вырвались одним сдавленным, торопливым потоком, — чтобы набраться решительности. И услышать, как по-настоящему может звучать мой голос. — Он сделал короткий, судорожный вдох и добавил уже шепотом: — Да и природу я люблю.

Сказав это, он тут же опустил взгляд на свои руки, сжатые в кулаки.

Глава 5. Спор о камнях и ответственности

После ужина инструкторы пригласили нас к костру. Пока Лена, сосредоточенно сложив «колодец» из поленьев, ловко высекала первые искры огнивом, а Тимофей за дверью столовой звенел посудой, остальные медленно бродили возле костровой чаши, запрокинув головы. Над нами раскрылось бездонное ночное небо, усыпанное немыслимым количеством звезд.

— Алиса, — громко прозвучал голос Ирины. Она смотрела, как на запястье девушки поблескивают камни — их освещали лампочки гирлянд, развешанных по всей зоне отдыха. — Я все хотела у тебя спросить, а что за браслет у тебя такой интересный? Что за камни?

— Это у меня розовый кварц, лунный камень, а здесь немного аметиста, — начала рассказывать Алиса, и в ее голосе зазвенела легкая, детская хвастливость. Она протянула руку, и браслет, звякнув, съехал вниз. — Я их заряжаю на удачу в любви, — еще громче и с какой-то наигранной грандиозностью объявила Алиса.

— Что, прости? Заряжаешь? — переспросила Ирина, ее брови поползли вверх. Она быстро перекинулась взглядом с Ирой, которая лишь улыбнулась, пожимая плечами.

— Да! — восторженно подтвердила Алиса, не замечая скепсиса. — Я даже на этом зарабатываю. Годовой заряд — пять тысяч. А на пять лет можно со скидкой — двадцать. Выгодно, — добавила она деловито.

Ирина фыркнула. Негромко, но так, чтобы все услышали.

— Пять тысяч. Камню. Ну дело ясное, что дело... — Она повернулась к Ире, но говорила громко, на всю поляну. — Нашла чем торговать. Воздухом. Верой.

Алиса замерла. Улыбка сползла с ее лица.

— Это не...

— Не что? — Ирина перебила, поворачиваясь к ней. В ее голосе зазвенела не просто ирония, а раздраженная усталость от всего этого «духовного» позерства. — Не воздух? Прости, но звучит именно так. Заплатил — и жди, когда камешек тебе судьбу на блюдечке принесет. Удобно. Никаких тебе диалогов, рисков, душевных затрат...

— Ты ничего не понимаешь! — голос Алисы сорвался на визгливую ноту. — Это не вместо! Это — инструмент! Фокус! Чтобы человек...

— Чтобы человек не парился? — Ирина не отступала, ее слова стали резкими и рублеными. — Психологу надо платить, с тренером пахать, в отношения вкладываться — это да, сложно. А тут — купил волшебную фигию и думаешь, что ты «поработал» над собой. Это инфантилизм в чистом виде!

— А твоя менопауза — это что, не торговля верой?! — выпалила Алиса, и сразу же глаза ее округлились от ужаса перед сказанным.

Ирина побледнела. Ее пальцы сжали край скамьи.

— Что? — ее голос стал опасным.

— Я... я не это... — Алиса сделала шаг назад, ее бравада разбилась вдребезги. — Я про... про поддержку. Ты же тоже помогаешь...

— Я даю информацию. Основанную на физиологии. На исследованиях, — Ирина говорила медленно, отчеканивая каждое слово, но внутри у нее все дрожало от ярости. — А не заряжаю яичники розовым кварцем за пять штук в месяц. Понятна разница? Или для тебя это одно и то же — гормоны и... и эта твоя мистическая пыль?

Алиса не ответила. Она просто отвернулась и пошла в сторону домиков.

Ирина тяжело выдохнула.

— Черт... Я, наверное, перегнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.